

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Я буду любить
тебя вечно

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *Петра Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Я буду любить тебя вечно / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-160293-2

Все в детстве читали сказку про Золушку. И все мечтали оказаться на ее месте — встретить Принца, который приведет в прекрасную, блестящую жизнь и сделает счастливой.

Милочка встретила Принца, который исполнил ее мечту — из нищего барака привел ее в шикарную квартиру, завалил подарками, сделал счастливой. Но главное — она его полюбила. По-настоящему, на всю жизнь.

Сказка про Золушку на этом закончилась. Началась жизнь. А жизнь порой бывает несправедлива и сурова. Человек слаб, соблазн поменять одного принца на другого, более удачливого, есть всегда. Как поступит Милочка — как в сказке или как в жизни?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-160293-2

Я буду любить

 тебя вечно

Лето семьдесят второго выдалось чудовищно жарким. Даже не просто жарким, а удушающим, в Подмосковье горели торфяники. Москва задыхалась, больницы не справлялись с потоком несчастных сердечников, которым зачастую просто не успевали оказывать помощь — прямо из приемного покоя они попадали в больничный морг.

Но Милочка от жары не страдала: в ее, точнее их с мужем, квартире мерно гудел кондиционер — редкая, почти неизвестная по тогдашним временам вещь. Муж, привыкший, казалось бы, к жизни в жаркой стране, переносил московскую жару на удивление плохо, поэтому и привезли из далекого Баку это громоздкое, но необходимое приспособление.

Да и плотные шторы на окнах были лишними.

Обычно Милочка просыпалась к полудню. Долго лежала с закрытыми глазами,

словно не хотела смотреть на происходящее вокруг. Впрочем, ничего и не происходило — в квартире было оглушительно тихо. Муж давно был на службе, а домработница Зина ходила по дому босиком — не дай бог потревожить хозяйку! Деревенская Зина была непроста — горничные, водители, слесаря и прочий персонал, обслуживающий дипломатов, был «при погонах». А по-другому и быть не могло.

Милочка припомнила, какой сегодня день: четверг! Значит, вредоносной Зинки не будет. Да и слава богу. Кофе она себе сварит, справится. А вечером они с мужем идут на прием, там и поужинают. Впрочем, проблемы питания ее не волновали — сама, как говорится, не едок, а муж почти все вечера по ресторанам. Он так привык еще с холостяцких времен. А в холостяках ее драгоценный супруг ходил много лет. Да не просто в холостяках — женихом он был завидным!

Подумав о нем, о своем благоверном, Милочка громко вздохнула. Вот перевернуться бы на другой бок, закрыть покрепче глаза и... Вставать не хотелось. Потому что знала — сегодня (и завтра, и послезавтра) все будет абсолютно одинаково — утро, день, вечер, ночь. До оскомины на зубах, до тошноты. Ничего нового не случится — сценарий

ее жизни был расписан и утвержден — мужем, судьбой и привычками. Значит, нового ждать не приходилось. А старое было неинтересным.

И все-таки Милочка встала — начинала болеть голова, а это означало, что срочно необходимо выпить кофе — крепкого, сладкого, со знакомой и любимой горчинкой. К хорошему кофе ее приучил муж — сам большой знаток и любитель. Восточный человек, это понятно. Кофе ему доставляли с родины — тот, что продавался в магазинах столицы (если, кстати, еще и продавался!), он не признавал.

В квартире было прохладно и даже холодновато. Жужжал кондиционер. Милочка поежилась, накинула теплый халат, поставила варить кофе и подошла к окну. Распахнув шторы, открыла окно. В ту же минуту в квартире ворвался шум, запах и жар улицы. Окно она тут же захлопнула — как надоела эта жара! Ей захотелось зимы — морозной, белоснежной, свежей и ароматной от запаха хвои.

Кофе она выпила с удовольствием. А вот есть не стала, открыв высоченный «Розенлев», глянула туда и тут же захлопнула. Ничего не хотелось — ни копченой колбасы, ни черной икры, ни французского сыра.

Выпив кофе, пошла в ванную и долго разглядывала себя в огромное зеркало, висящее

над голубой раковиной. Потом открыла баночку с кремом — французским, дорогущим. С удовольствием вдохнула его запах — земляника и мандарин.

Потом не спеша переместилась в гостиную и прилегла на диван, рядом с которым, на мраморном столике, стоял телефон. Пару минут Милочка смотрела на него, а потом набрала номер. На том конце провода раздался хрипловатый и вялый голос.

— Это я, — проговорила Милочка. — Ну как дела?

В общем, начинался день. Ее день — обычный и похожий на все остальные.

Устроившись поудобнее, она принялась слушать подругу. Хотя какую подругу? Подруг у нее не было. Так, приятельницы.

Не то чтобы это было ей интересно. Просто... Это тоже было привычкой. Надо же было как-то начать наконец этот день. Иначе... Иначе можно было рехнуться.

* * *

Свое детство и отрочество Милочка вспоминать не любила — да и что там была за радость! Все было тускло, уныло, тоскливо. Так, что возненавидела она ту жизнь навсегда.

Комнатка в бараке в Орехове-Зуеве. Комбинат, где работала мать. Вся жизнь поселка

крутилась вокруг комбината — камволки, как называли его местные. Шелкопрядное производство братьев Морозовых после революции переродилось в камвольный комбинат. Рабочих селили в бараки, оставшиеся еще с тех дальних времен. Удобств не было — туалет на улице, вода из колонки, а готовили на газовых плитках, стоящих в коммунальных кухнях, периодически меняя баллоны.

Ад — так называла свою молодость Милочка, но только про себя. В той новой жизни, к которой она так стремилась и куда, собственно, и попала, про ее прошлое никто не знал. Той жизни она стыдилась.

Мать работала на камволке — тяжело, сменами. Приползала усталая, с потухшими глазами и серым от пыли лицом. На хозяйстве была бабка Нюра, тетка матери, приехавшая из деревни. Вызвали ее для дела — растить девочку Милочку.

Отца своего Милочка не знала и не видела никогда — мать отмалчивалась, а вредная бабка поджимала губы и выдавала всегда одно и то же: «Сволочь он. Сволочь как есть. И чего про него говорить?»

В детстве Милочка мечтала — вырастет, поедет в Москву и найдет отца. Папу. Папочку. Он, конечно же, ей страшно обрадуется и умилится, что они похожи: ах, какая выросла девочка! Какая красавица — гордость

отца. Он, ее папочка, будет, конечно же, известный и очень богатый — например, артист кино или театра. Большого — других театров Милочка и не знала. Или он может оказаться известным футболистом — они тоже богатые. Или писателем. Какая разница? Главное — что он есть.

Конечно, папочка оставит ее у себя. Никаких сомнений. В большой, нет — в огромной квартире с видом на Кремль. Ну или на Москову-реку. Там будет блестящий паркет, по которому она, Милочка, будет плавно скользить как балерина. У отца будет много вкусной еды — торты, пирожные, шоколадные конфеты. Конечно, мороженое — разноцветное: розовое — фруктовое, белое — сливочное и коричневое — шоколадное. Ешь сколько хочешь, никто слова не скажет.

К нему будут приходить красивые и нарядные гости — актеры, писатели, музыканты. Может быть, даже Майя Плисецкая. Или Сергей Бондарчук. И все они станут, конечно же, восхищаться красавицей Милочкой. А папа будет очень доволен!

Мечты, мечты... Но Милочка верила.

Бабка Нюра целый день торчала на кухне — цапалась с соседками, крутилась у плиты, сплетничала. А после обеда выходила во двор.

Двор был грязным, захлавленным старым, ненужным барахлом: колченогими табуретками, поломанными игрушками, сдутыми и рваными футбольными мячами, окурками, огрызками, шелухой от семечек, ржавыми консервными банками и обрывками газет. И никому не приходило в голову его подмести или хотя бы собрать мусор.

Женщины — в основном старые, молодые были на работе — сидели на лавочке, сбитой Восьмого марта, в Международный женский день, добродушными по случаю праздника мужиками. Правда, это было давно, еще до рождения Милочки. Теперь лавка покосилась и почернела, но на повторный подвиг мужики так и не сподобились, как бабы их ни упрашивали.

На улице женщины отдыхали — приглядывали за детьми, щелкали семечки, поносили мужей и сплетничали. Это и было их основным развлечением в тяжелой, горькой и постылой жизни.

Летом во дворе столбом стояла пыль, но никому и в голову не приходило включить шланг и прибить ее водой.

Конечно же, мужики пили. И пили горько, с размахом. Напивались с зарплаты и аванса. В эти «священные» дни многие жены торопились встретить мужей у проходной — а вдруг не успеет пропить? Многие

соседи сидели. Бывали и драки — между супругами, соседями, детьми.

Летом во дворе стояли тазы со стиркой — в бараках нечем было дышать. Во дворе стирали, варили варенье, вынеся из дома керогаз и кастрюли. Тогда в августе и сентябре по двору плыл сладкий запах ягод и фруктов.

На веревках полоскалось от ветра белье — мальчишки, конечно, попадали в него мячом, а женщины с криком бросались за ними.

Милочка ни с кем не дружила. Во двор почти не выходила — зачем? Слушать крики детишек и их заполошных мамаш?

Разборы, скандалы между соседями? Противно. Она ненавидела свой двор, своих соседей, свой городок. Ненавидела все — отвратные запахи дешевой еды — вареной капусты, горелого молока. Звуки рыдающей гармонии, пьяные выкрики, громкие проклятия, покосившиеся темные бараки, пыльные и чахлые редкие деревца. Серую от пыли, вытопанную траву.

Она ненавидела все. «Папочка, папочка! — шептала она по ночам. — Пожалуйста, забери меня отсюда! Очень тебя прошу!»

Спасало то, что бабка Нюра в комнате почти не бывала — то торчала на кухне, то во дворе. Почти до вечера Милочка была хозяйкой в их узенькой темной комнатке — две

кровати, старая раскладушка, со скрипом разбирающаяся только перед сном, иначе в комнате было бы не пройти. На раскладушке спала мать.

Мать возвращалась с работы, и садились ужинать — вечерять, как говорила деревенская Нюра. При этих словах Милочка морщила нос и закатывала глаза.

Нюра обижалась и жаловалась матери. Измученная мать махала рукой: дайте в себя прийти, господи!

От усталости она начинала плакать, но Милочке было ее не жалко. Сама виновата — не смогла удержать отца. Папочку.

На ужин обычно была каша — перловая или пшенная. Или картошка. После зарплаты — с куском колбасы или рыбы. Рыба воняла, от жирной колбасы болел живот. Иногда «подавались» макароны — серые, клейкие. Но — посыпанные сахаром. Их Милочка ела. Отодвинув тарелку с недоеденной кашей, она резко вставала со стула.

— Не нравится, барышня? — Бабка Нюра сверлила ее злобным взглядом. — Ишь, королева!

— Оставь ее, — коротко бросала мать. — Не хочет, да бог с ней! Проголодается — холодное съест.

Но Милочка не ела — на десять копеек покупала себе булочку с маком. Запивала газиз-

ровкой из автомата. Да пропадите вы пропадом с вашими кашами!

Пенсию свою бабка Нюра копила, не отдавала. Оплачивала только «квартирные»: «Я у вас тут не за просто так — я на законных!» Но мать молчала — тетка и стирала, и гладила, и толкалась в очередях за продуктами. И как-никак, а готовила. Называла она Милочку Люськой. Так и орала в окно: «Люська, ты где?» Милочка злилась. Имя «Люська» казалось ей простым, каким-то шалавистым — что это за Люська? То ли дело Милочка! Настаивала на Милочке, а вредная бабка смеялась: «Милочка? Да так в деревне коров кличут! Выдумала чего — Милочка!»

А однажды... Стерва эта старая навсегда перечеркнула светлые Милочкины мечты — недобро усмехнувшись и глядя ей в глаза, вдруг выдала:

— Папашу своего ждешь?

Милочка затаила дыхание.

— А ты не жди, девка! Сгинул твой папаша — тю-тю! В тюрьме подох. Собаке — собачья смерть!

— В тюрьме? — глухо спросила Милочка. — В какой тюрьме, баба Нюра?

— В какой, какой? В обныкновенной! Куда людей содят! Нет, не людей — убийц и воров! Вот и папаша твой — убийца!

— Почему? — еще тише спросила Милочка. — Почему он убийца?

— А я почему знаю? — разозлилась Нюра. — Брата своего уколошил! Вот и сел, сволочь такая!

Милочка медленно встала из-за стола и вышла из комнаты.

Бабку Нюру она теперь ненавидела.

И самым страшным было то, что в тот день навсегда рухнули светлые Милочкины мечты. Мечты о том, что отец, папа, папочка, заберет ее из этого ада и пригласит, поведет в новую счастливую жизнь.

Нюра умерла, когда Милочке было двенадцать. Мать горевала: во-первых — единственная и последняя родня, а во-вторых — помощница. У самой сил ни на что не было — камволка забирала все.

Но задышалось им с Милочкой после этого легче. Нюрины накопления нашлись через полгода, когда наконец собрались выкидывать старую кровать. Нычку увидела Милочка — грубый шов на обратной стороне матраса.

Вспороли легко — а там... Куча денег! Красная от возбуждения мать в который раз пересчитывала потертые купюры и не верила своему счастью: «Дочь, а мы ж теперь богачи!»

И принималась мечтать:

— Купим кровать — тебе, новую! А я уж посплю на твоей! Поедем в Москву и справим пальто — мне и тебе, а? А давай холодильник? — вскрикивала мать, улегшись в постель. — А, Милунь? Надоело уж за окно! И будем как люди! А может, — мать замирала, словно боялась это произнести, — может, на море? Как думаешь, дочь?

Милочка громко вздыхала и, не отвечая, переворачивалась на другой бок. А что изменится, господи? Ну пальто. Ну холодильник. Ну даже море! И там они будут как... Нищенки. Считать копейки, отказывать себе во всем. Обедать в душной столовке теми же щами. Жить в таком же бараке.

Потом мать начинала сетовать:

— А как мы будем без Нюры? Мы же с тобой совсем ни к чему не приспособленные!

Конечно, это была полная глупость, потому что зажили они без бабки Нюры хорошо. Не просто хорошо — отлично зажили! Правда, денег им теперь всегда не хватало, то есть кончались они моментально, спустя пару дней после зарплаты. Вести хозяйство мать с Милочкой не умели. Зато теперь они покупали себе все, что хотели, — кексы с изюмом, вафельные тортики, шоколадки, мороженое, докторскую колбасу и шпроты в масле — если удавалось достать. И еще — сгущенное молоко, Милочка его обожала.

Мать приходила с работы и, растерянно улыбаясь, выкладывала из сумки все эти вкусности. Так и ужинали — шпроты с хлебом и чай с тортиком. Красота! И никто больше не ворчал, не шипел, не ругал маму и не обзывал ее бестолковой неумехой, дурочкой и транжирой.

Мать, кстати, тоже словно освободилась от вечного бабкиного ворчания и скандалов («Я тут паху на вас, а вы?»), сбросила с плеч тяжелый груз, стала улыбаться и даже изредка что-то напевать себе под нос. Правда, когда теперь она раскрывала кошелек, то сразу расстраивалась и бледнела.

— Как же так, Милочка? — удивлялась она. — И как мы дотянем до зарплаты?

Милочка беспечно махала рукой:

— С голоду не помрем! Как-нибудь, мам!

— Как-нибудь, — повторяла та и заметно грустнела.

С голоду, разумеется, не помирали — на картошку и макароны всегда хватало. Ели пустую картошку и смеялись.

— Вот она, расплата за удовольствие! — шутила мама. — Нет, все-таки Нюра была права: я жуткая неумеха и совсем безголовая!

— А ты мне такой нравишься, мам! — отвечала Милочка.

И мать улыбалась и молодеда.

Без Нюры была свобода: гуляй — не хочу! Никто не заглядывал в тетрадки с уроками,

никто не зудел за плечом. Не заставлял есть перловую кашу.

В пятнадцать лет Милочка поняла, что она красавица. Как поняла? Да очень просто — на нее обращали внимание, оборачивались. Сосед Пал Васильич при ее появлении громко крякал и сильно краснел, с испугом оглядываясь на свою суровую супружницу Галю. Галя сводила брови и грозила пальцем:

— Я тебе! Старый хрен! Ишь, разохотился! — И тут же начинала смеяться. — Ну посмотри, посмотри! Чё тебе еще остается? Только глазками твоими бесстыжими и лупать! А потомушта... Сам знаешь почему!

Пал Васильич белел и быстро скрывался за своей дверью.

— От же старая кобелина! — теперь уже грустно вздыхала Галя. — Всю жизнь ведь... Никого, сволочь, не пропускал.

Одноклассники не давали Милочке проходу — подкладывали в портфель записки, оставляли в парте шоколадки или открытки, караулили ее у школы и торчали под ее окнами.

В девятом классе она увлеклась шитьем — девчонки передавали друг другу выкройки, срисованные из «Крестьянки», «Работницы», «Силуэта». Шить у нее получалось лучше всех в классе — даже вредная учительница труда ее хвалила: «Талант у тебя, Иванова! Просто талант!»

За тканями девчонки ездили в столицу. Иногда удавалось «урвать» что-нибудь из косметики: польскую помаду, ленинградскую тушь, лак для волос. А там заодно и гуляли — парк Горького, Сокольники, ВДНХ. Ели мороженое, пили сладкую воду.

Теперь Милочка, по словам матери, «была одета» — появились платья в горох и в полоску, пышные, на подкладке юбки, блузочки в талию. А уж талия у Милочки была будь здоров — всем на зависть!

Подводила только обувь — и дорого, и не достать.

— И в кого она такая? — удивлялись соседки. — Вон, Вера-то совсем обыкновенная! — Они провожали взглядом Милочкину мать. — А Милка у нее — высший класс!

Милочка разглядывала себя в зеркале.

— Да, ничего, — скромничала она.

Но «ничего» — это было не совсем то слово, которое было уместно. Была она хороша фантастически — карие, с рыжинкой глаза, изящный и тонкий носик, пухлые губы и нежная смугловатая кожа. Густые, мягкой волной, русые волосы, тонюсенькая талия и высокая, большая, не по годам, грудь. Ну и стройные, очень стройные и красивые, длинные ноги.

Училась Милочка средне — науки были ей неинтересны — ни точные, ни гуманитарные.

Читать она не любила, к музыке была равнодушна. Увлечения девчонок стихами не понимала и не разделяла, считая все это полными глупостями. Она вообще ко всему была равнодушна. Ко всему и ко всем. О чем она мечтала? Да она бы и сама сформулировала это с трудом. О любви? Да как-то... Не очень. О хорошем муже, о детях? Нет, замуж ей не хотелось, дети раздражали. А, вот! Милочка мечтала жить *красиво*. Безбедно, сытно, нарядно.

В красивой жизни она понимала немного — так, впечатления от иностранных фильмов, редких журналов, да, пожалуй, и все.

Но — знала точно — красивая жизнь есть! И кстати, где-то совсем рядом, недалеко. Скорее всего, в столице, в Москве. А это рукой подать! Только с умом надо к этому подойти. Вот тогда и получится.

Плюс — есть у нее кое-что поважнее семьи или там образования. У нее есть красота. А с этим богатством все достижимо, не правда ли? Особенно если вспомнить старые сказки, «Золушку» или там — Милочка задумывалась — что еще? В литературе она была не сильна.

Любила она, пожалуй, только мать — единственного близкого человека. Но и к матери относилась с легким презрением — скучно, тоскливо и даже страшно проживала та свою жизнь, в нищете, тяжелом труде, в вечном

подсчете копеек, в вечном страхе — перед начальником цеха камволки, перед Нюрой, перед соседями. Даже от участкового Мишки, горького пьяницы, шарахалась. Спрашивается — почему? Что она такого сделала, чтоб бояться этого уroda? Всех боялась, перед всеми заискивала.

Продавщица в молочном вечно подсовывала ей просроченный кефир. Обнаруживалось это только дома — там, в магазине, матери было неловко посмотреть на срок изготовления. Милочка пеняла ей, что она трусиха и растеряха, требовала вернуть брак обратно. Мать начинала плакать и отказывалась идти разбираться.

— Кого ты боишься? — негодовала дочь. — Эту тварь?

Милочке было пятнадцать, когда она не выдержала и сама отправилась в молочный. Подойдя к прилавку, со стуком шмякнула бутылку с кефиром и бросила пачку с творогом.

— Угощайся! — сказала она наглой и высокомерной продавщице.

Та, известная хамка, оторопела. Очередь замерла, а Милочка, прищутив глаза, повторила:

— Ну что же ты? Растерялась? Угощайся! Кефирчику выпей. Может, пронесет, а?

Продавщица засуетилась, покраснела как рак и заменила Милочке кефир и творог.

Милочка удовлетворенно кивнула и удовлетворенно добавила:

— Вот и правильно! Так и дальше делай! — И гордо, с достоинством удалилась под тихий шепот ошарашенной очереди.

С той поры мать никогда не приносила просроченные продукты.

И Гальку, вредную соседку, Милочка поставила «куда надо», та вечно придиралась к матери по всяким пустякам: то чайник забыла выключить, то свет в ванной оставила, то с ботинок в прихожей натекло, то с зонта накапало.

— Не нравится — убери! — цыкнула Милочка. — Возьми тряпку и убери! Весь день на кухне болтаешься, языком чешешь! А люди работают, если ты не заметила!

И вредная Галька заткнулась.

Мать удивлялась, умилялась и, как всегда, боялась.

— Милочка! Я понимаю, ты моя защитница и ты молодец. Но... все же, так грубо... Зачем портить с соседями отношения? Можно же было и как-то помягче...

— А если «помягче», как ты выражаешься, — фыркала Милочка, — тогда лови в супе плевки! Хамы ведь по-хорошему не понимают! Ты что, не заметила?

Милочка часто думала о том, что мать в молодости была симпатичной, да только

всю жизнь в шкафу у нее висело два платья — летнее и на зиму.

— А мне больше не надо! — говорила она.

Не надо... Страшно-то как! Не то страшно, что платьев всего два, а то, что *не надо*. Милочка так не хотела. Да и вообще ей вся эта убогая, нищая, «паучья», скандальная, мелкая и грубая жизнь порядком поднадоела. Противно все это. Мышиная жизнь — не человеческая, а именно мышиная. И она, конечно же, этого избежит! Очень постарается избежать! И это у нее получится, поверьте.

После школы она устроилась на работу в регистратуру медсанчасти. Работа была сменная: день — утро, день — вечер. Отличный график. Да и работа не бей лежачего — найти в картотеке карту больного и, собрав их с десятков, разнести по кабинетам врачей. Правда, и платили копейки — но на чулки, сигареты, польскую тушь и помаду хватало. Матери она ни копейки не отдавала. Та была не слишком довольна, но молчала. Спорить с Милочкой, на чем-то настаивать? Да что вы, о чем?

В медсанчасти за Милочкой принялся ухаживать доктор Ваня — так его называли сотрудники. Был он парнем симпатичным и веселым, без конца травил анекдоты, на взгляд строгой Милочки — пошлые и несмешные.

Робея и краснея, пробовал пригласить на свидание. Милочка, осмотрев его с головы до пят и почти заморозив ледяным и презрительным взглядом, усмехнулась:

— И что?

Растерянный Ваня молчал.

— А дальше-то что? — повторила Милочка с еще большим презрением.

— В каком смысле? — наконец выдавил неудачливый кавалер.

— Да в прямом! — жестко ответила та. — Что ты, например, можешь мне предложить?

Ваня удрученно молчал, лихорадочно думая, чем бы удивить эту красивую и необычную девушку.

Понимая, что попадет в немилость, жалко пробормотал:

— Ну... В кино, например. Или в кафе! А хочешь — в Москву мотанем! А, Мил?

Милочка рассмеялась:

— В кино? На рваных креслах слушать, как впереди и сзади сношаются? Как катаются бутылки между рядов? Мат трехэтажный? Нет уж — уволь! — Она помолчала. — В кафе, говоришь? Тоже дело! Липкий стол, портвешок и пирожные с кислым кремом? И та же компания, что и в кино. Здорово, да? Ну просто мечта всей моей жизни! Ну, допустим — у нас все получится. Слюбимся, как говорила моя бабка Нюра. Ну а что потом?

Опустив глаза в пол, Ваня молчал.

— Так вот, про потом, — оживилась Милочка. — Соберем мы на свадьбу, предположим, хотя и трудно будет. Зарплата-то у тебя — сам понимаешь. На дешевое платье соберем, на дешевый костюм. На дешевые кольца. Сыграем свадьбу — все в той же вонючей «Ромашке». Все напьются, набьют друг другу морды, потом помирятся. Потом снова набьют — ну ты же знаешь, как это бывает. А потом, Ванечка... Потом мы переедем к тебе! Да-да, к тебе — в общежитие! Ко мне-то некуда — места нет, да и мама. А у тебя — комнатуха в шесть метров. Ни мебели — да и куда ее ставить? — ни люстры, ни тумбочки и ни шкафа. Где брать? Снова копить! И ждать — долго ждать, когда тебе *выделят* комнату! Не в общежитии, а в бараке — там-то будет своя! Своя, Вань! Возможно — побольше! Метров восемь или, допустим, десять.

А дальше? А дальше — *всё!* Ну и начнем мы копить — на шифоньер. На телевизор. На холодильник. На сапоги и пальто. На отпуск не хватит — какой уж тут отпуск? Ну мотанем к твоей родне в деревню — милое дело! А там — огород, хлев, дороги размыты, потому что дожди. Да! Ребеночек народится — куда ж без него? Так ведь положено, правда? Без него будут косо смотреть соседи, родня. Мне-то, Ваня, конечно же, наплевать... А тебе? Ну

и дальше будем колотиться — в той же лачуге, в той же нищете. Только теперь — с ребенком.

Ты когда меня начнешь ненавидеть, Ваня? Молчишь? А ты подумай! Хорошо, я скажу сама. Я тебя — месяца через два после свадьбы этой убогой. Ну а потом ты запьешь — здесь у нас по-другому и не бывает, потому что жизнь такая собачья, ты мне поверь! Все пьют, Вань! Оглянись! Ну и еще, — она недобро усмехнулась, — знаешь, в кого я превращусь? А, не знаешь! В склочную и мерзкую бабу. Как Лидка-санитарка. Как тетя Дуся — повариха. Как соседки мои и твои. А ты... Ты, Ваня, ты тоже... Брюхо наешь — обязательно, на картошке-то, а? Полысеешь. Озлишься. На все — на эту жизнь, на меня. Потому что тоже начнешь меня ненавидеть: ною, как пила. Придираюсь. Недовольна всем и всегда. Ты — меня, я — тебя... Такие дела. — Милочка замолчала и громко выдохнула. — Ну как, Вань? Хорошо?

Он, не глядя на нее, коротко мотнул головой:

— А по-другому, Мил? Не бывает?

— Нет, Ваня! — уверенно ответила она. — Здесь — не бывает. Я всю жизнь здесь живу! И вижу, что происходит вокруг. Не бывает! Потому что, — она помолчала, — в хлеву и живут по-скотски. Иначе нельзя. Ты вот как хочешь, а я... Я, Ваня, буду жить по-другому!

Ты меня слышишь? А не получится — лучше в петлю. Не по зубам я тебе, доктор Ваня! Ты уж прости. Не по зубам.

— А кому по зубам? — зло спросил он. — Подобрала уже?

— Нет пока! — рассмеялась Милочка. — Но подберу! Ты не волнуйся!

— Наполеоновские у тебя, Мила, планы! — усмехнулся он.

— Ага! — беспечно ответила Милочка. — Именно так! А что тут плохого?

Ваня кивнул:

— Ну да! Рыба ищет, где глубже. Я понял. А человек...

Она его перебила и повторила:

— А что тут такого? На то он и человек, а не рыба. На то у него и мозги!

И, круто развернувшись, Милочка пошла прочь.

Обескураженный молодой доктор Ваня растерянно смотрел ей вслед. Ваня, лучший и перспективный жених в поселке. А тут... такой вот конфуз...

* * *

Милочка тосковала. Она знала и понимала, что рядом — совсем рядом, только протяни руку! — есть совершенно другая, радостная и прекрасная жизнь. Но как? Как выйти

на эту дорожку? Как попасть туда, в это волшебное Эльдорадо, где вкусно пахнет французскими духами, хорошими сигаретами, натуральной кожаной обувью, шоколадом и спелой клубникой? Ах, если бы она была студенткой... Например, Института иностранных языков, что на Остоженке. Как хороши они, эти девицы! Как одеты, как держат себя — королевы! Как важно потягивают «Шампань-Коблер», затягиваясь тонкой сигаретой! А если честно, ни одна ей не годится в подметки.

Там, в институте, в кафе, эти девицы и знакомятся со своими кавалерами. А где знакомиться ей, Милочке? В медсанчасти, где шаркают тапками вонючие деды?

А ее наряды? Это мама думает, что ее дочь — куколка. Заблуждается мама. Все эти юбочки из дешевого ситца, сатиновые кофточки — жалкая подделка! А обувь? Счастье, если румынская или чешская. И ее не достать. А эти чертовы духи, пахнущие дешевым мылом? А жизнь, между прочим, проходит...

Вырваться бы из этой серости, тусклости, затхлости. От этой убогости, из этого ада! От этих тетягаль, иванвасильевичей, марьянн. От их нестерпимых запахов щей и котлет, от сохнувшего в ванной омерзительного, потрепанного, перештопанного белья. От их склок, зависти, нищеты. Бедная мама... Чему

она радуется? Отрезу ситца, тощей курице, «оторванной» в очереди? Новым набойкам на босоножках? Клеенке в пошлый цветочек, пахнувшей всеми химзаводами мира? Мама, мама... Как нелепо ты прожила свою жизнь. Но я, твоя дочь, достойна лучшего. И оно, это лучшее, у меня будет! Поверь.

* * *

В восемнадцать Милочка прижала мать к стенке:

— Давай рассказывай! Все без утайки — кто мой папаша и где.

Тайная надежда, что вредная Нюра соврала, оставалась.

Но ничего не вышло. Мечты снова разбились в полный прах. Мать долго сопротивлялась, а потом рассказала: случайная и короткая связь. В Полтаве, у родни, куда ее отправили на летние месяцы. Там и случилась ее первая любовь. Как потом оказалось — первая и последняя. Звали его Виталий.

— Господи, какое пошлое имя! — сказала Милочка и скривила губы.

— Почему? — удивилась мать. — А по-моему, очень красивое!

— Витася, Виталя, Витек — ужас, мам! Очень пошло. Вот если бы Эдуард! Или Аркадий!

В общем, погуляли по красавице Полтаве с месяцок, и уехал Виталька. Куда и на сколько? Сказал, что на пару недель и по делам. Ну а уж когда вернется, там и распишемся.

И мать, дуручка эта, поверила. Виталька, Витасик, Витуля не вернулся. Никогда. Пошла она к его тетке, сестре по отцу. А та удивилась:

— Виталька? Да он же женат, девка! Гуляла с ним? Ох, кобелячья порода, весь в отца! — Кажется, тетка этим гордилась. — Да и жена у Виталика беременная — ребеночек должен вот-вот появиться, — продолжила она. — Езжай, девка, до дому! Вот тебе мой совет. И не ищи его, у него таких, как ты, огород!

А дома Вера обнаружила, что беременна. Тогда и поехала к тетке Нюре в деревню — совета просить. Родня ведь. Та, естественно, в крик. На аборте настаивала — две недели пилила, со свету сживала. Ну а потом смирилась — что с тебя, дуры, взять? Ладно уж, как-нибудь. Переберусь к тебе, дуре. Буду помогать. Как ты одна, с ребенком? Только в петлю.

Все правильно, в те дни Вера часто думала о петле. Вот бы разом, мигом — и все! Но испугалась.

— А кем он был, твой Виталька? — презрительно перебила ее дочь.

— На заводе работал. Наладчиком, кажется...

Наладчиком. Вот уж правда, подарок! Наладчик Виталька. Хотя а что она ожидала от своей матери? Что дурочка эта подцепит профессора или летчика? Смешно. Наладчик Виталька — вот короткое и светлое мамино счастье.

А мать, громко всхлипнув, тихо сказала:

— Ты, доченька, вся в него! Копия просто! Он ведь красавчиком был, мой Виталя.

Ну хоть за это спасибо. Низкий поклон. Эта ведь дурочка могла бы меня и от уroda родить — с нее-то станется! Пожалела бы какого-нибудь убогого и...

— Ну а дальше что было? — спросила Милочка, сведя брови. — Договаривай!

Мать вздрогнула, испуганно посмотрев на суровую дочь.

— Дальше? А что?

— Не прикидывайся! — оборвала ее Милочка. — Дальше он сел! Так или нет?

Мать опустила голову.

— Сел. Я потом, с тобой, с маленькой, в Полтаву ездила — вдруг... К тетке его снова ходила. Ну, та все и рассказала. Про пьянку, про драку. И про топор... Жалко его было, дурака. Так жизнь загубить.

Милочка истерично расхохоталась.

— Тебе его жалко? Этого подонка и уроды? Ну ты даешь! Тогда... — Она на секунду задумалась. — Тогда мне не жалко тебя! Слышишь, не жалко! Совсем!

Мать не ответила.

* * *

На выходные Милочка уезжала в Москву. Иногда ночевала на вокзале — возвращаться домой не хотелось. По Москве просто гуляла — мороженое, кино, Парк культуры. А однажды повезло, сказочно повезло — встретила бывшую одноклассницу Лильку Цветкову. Встретила и обалдела — ничем не примечательная Лилька превратилась в роскошную, сногшибательную красавицу. Прическа, косметика, платье, туфли. Господи, и это Лилька? Даже не верилось.

Лилька тоже всегда хотела вырваться из поселка. Но это была совершенно другая история. Во-первых, у Лильки была семья: папаша — начальник цеха и мамаша — заведующая парикмахерской. Во-вторых, они не жили в бараке, а в отдельной квартире.

А в-третьих, Лилька прекрасно училась, везде успевала.

Что сравнивать несравнимые вещи — Милочкину жизнь и Лилькину?

Лилька тоже с интересом оглядывала ее. Правда, интерес быстро погас, уступив ме-

сто легкому сожалению — весь Милочкин вид этому сильно способствовал.

«Где ты? Как ты? Что ты?» — задавались обычные вопросы, исключительно из любопытства.

Лилька рассказала, что учится в Полиграфическом — она всегда хорошо рисовала, — живет бурно и весело, с компанией повезло. Ребята все солидные, из хороших семей. Ну и не бедные, «ты ж понимаешь!». Девчонки им под стать. Лилька снова скользнула взглядом по Милочке — с головы и до ног.

Милочка залилась бордовой краской от унижения и обиды. И еще — от злости. Так бы и послала эту Цветкову! Однако тут же сообразила: может, Лилька и есть тот самый ключ в ее новую, прекрасную жизнь? Чем черт не шутит?

Мозгов у Лильки не много — вряд ли сообразит, что Милочка ей будет соперницей. Да и самомненьице у нее — выше крыши! Как же, студентка!

И Милочка разлилась соловьем:

— Лилька, какая ты стала! Красавица просто. Нет, нет, конечно, ты всегда была хороша, но сейчас — расцвела! Расцвела, как майская роза, глаз от тебя не отвести, честное слово!

Ну Лилька зарделась — приятно, конечно, — и снизошла:

— Ну а как ты, Иванова?

И все глазами шарит, как по увечному инвалиду — с сочувствием.

Хвастаться Милочке было нечем:

— Так, работаю, ничего интересного. Лилька! А может, куда-нибудь сходим? Ну в смысле... — Милочка задумалась, что она может предложить столичной студентке.

Лилька скорчила обезьянью гримаску. В глазах читалось: «С тобой? Да со стыда сгорю, что ты! Видок у тебя, подружка...» Но тут же сообразила:

— Слушай, Иванова! Ты, говоришь, в медсанчасти? А справку мне сделать можешь? На год, освобождение от физры?

Милочка пожала плечом:

— Да запросто! Сделаю, мне это раз плюнуть! Ну и баш на баш — я тебе справку, а ты меня в свою компанию, а? Совсем я засиделась. — И Милочка притворно-лениво зевнула.

Лилька вздохнула и согласилась — в конце концов, плата не так велика.

Все оказалось в точности, как Милочка себе представляла.

Квартира на Кутузовском, куда позвала ее Лилька, была огромной: четыре комнаты, большущая кухня и просторный, длинный коридор — хоть на велосипеде катайся. Свет был притушен, а народу полная коробочка,

не протолкнешься. То и дело кто-то вваливался «на новенького», входная дверь на замок не закрывалась. На столе и подоконнике в изобилии толпились бутылки всех мастей и фасонов — невиданные, заморские, с яркими этикетками. В плотном сигаретном дыму были неразличимы фигуры и лица — как в фантастическом кино. Никого не разглядишь, а разговоров почти не слышно — гремит музыка. Видны только взмахи рук, и иногда сквозь музыку прорывается смех. Мир теней. Кто-то общается, кто-то дремлет в кресле, кто-то варит кофе на кухне, кто-то слушает музыку, а кто-то танцует, топчется на свободном пяточке ковра, плотно сплетаясь телами. Похоже, никому и ни до кого нет ни малейшего дела. Все — по интересам. Хозяин квартиры — невысокий и щуплый парень, затянутый до скрипа в узкие джинсы, уже изрядно пьяный, громко и радостно приветствует проходящих, предлагая им выпить. Еле стоит на ногах. Какая-то девица уводит его в спальню — Бобу нужно поспать. Другая девица, в открытом сарафане на тоненьких лямках, роется в холодильнике и, найдя жестяную красивую банку, требует открыть ветчину: «Сейчас сдохну от голода!» Ветчину тут же вспарывают, и несколько человек, подоспевших на запах яичницы — ее жарит симпатичный толстяк в красной рубашке, —

приступают к поспешной трапезе. Едят стоя, со сковородки, тыча в нее вилками.

«Золотая молодежь, — фыркает Милочка, — а жрут как свиньи, хуже тетя Гали с Васильичем!» Она выходит на балкон — вдохнуть свежего воздуха. Ей плохо — подташнивает от табачного дыма, выпитого сладкого вишневого ликера (хотя очень вкусно, очень!) и голода — ей тоже хочется есть. Но не полезет же она в общую сковородку хватать яичницу!

Еще Милочке хочется спать, но она понимает, что если сейчас отсюда уйдет... Хотя она очень разочарована. Ей представлялось, честно говоря, все по-другому. А здесь как-то очень по-свински. В эту минуту на балкон выходит парень, невысокий и крепкий, светлоглазый, кудрявый блондин.

«Симпатичный», — мелькает у Милочки.

— Скучаешь? — улыбнулся он.

Милочка пожала плечами.

— Слушай! А может, сбежим? Что-то здесь как-то невесело. И все уже напильсь. Зоопарк!

Милочка с минуту помолчала, очень хотелось спросить: «А куда?» Но она оробела, застеснялась, боясь показаться глупой, наивной, деревенской душой. Вдруг ляпнет не то? Вдруг у них не принято отказываться от таких предложений?

Она осторожно пожала плечом:

— Ну я не знаю.

Он кивнул, взял ее за руку и увел.

«Куда?» — снова хотела спросить она. Было страшно. Куда он ее ведет? Может, в новую жизнь?

На улице уже было прохладно. Милочка поеживалась. Блондин тем временем ловил машину. Наконец одна из них остановилась, и новый знакомый махнул ей — мол, иди скорее. Она не спешила, по-прежнему раздумывая, — может, сбежать? Рвануть сейчас по проспекту — вряд ли он погонится за ней. Однако на дрожащих ногах она неуверенно подошла к машине и уселась на заднее сиденье, блондин плюхнулся рядом с ней.

За руки он ее не хватал, под кофту не лез, и Милочка слегка успокоилась. Ехали они недолго — минут пятнадцать.

— Командир, — обратился блондин к шоферу, — притормози у пятнадцатого!

Пятнадцатый — это номер дома, сообразила Милочка. Ее начало мутить от страха. Она держалась изо всех сил, но, выйдя из машины, тоскливо оглянулась — может, рвануть сейчас? Переулок тих и пуст — почти час ночи. Блондин же тем временем расплатился с шофером и властно взял ее за руку.

— Ну что, подруга? Вперед?

Милочка кивнула и обреченно пошла вслед за ним как на Голгофу. Дверь подъезда

была высоченная, тяжелая — даже он с усилием открыл ее. Широкая мраморная лестница с коваными перилами. Чтобы глянуть на потолок, надо закинуть голову. Второй этаж, две квартиры на лестничной клетке. Массивная дверь в квартиру — деревянная, темная, с резными завитками и тускло поблескивающей латунной ручкой.

Блондин открыл дверь и кивнул:

— Проходи! Чего встала? Столбняк? Или робеешь? Не бойся, не съем — сегодня поужинал! — Он почти беззвучно засмеялся, а Милочку обдало горячим и тревожным жаром.

Она зашла вслед за ним и оглянулась, таких прихожих она не видела никогда: темные обои отсвечивали матовым серебром, высокий, до потолка, шкаф был плотно уставлен книгами. Ковер на полу, вешалка с завитушками, длинная люстра с цветными висюльками.

«Что же там в комнатах, если так здесь, в коридоре?» — подумала замороженная и обалдевшая Милочка.

Блондин развел руками и улыбнулся, теперь уже внимательно разглядывая ее:

— А мы ведь не познакомились, а? Ну, мать! Мы даем! Какие же мы идиоты. Точнее, я идиот! — Он протянул Милочке руку: — Сергей. Можно Серега.

— Мила, — хрипло ответила она и тоже протянула руку.

Рука у нее была холодная и влажная, и ей снова стало неловко.

— Слушай, а ты есть не хочешь? — неожиданно поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, снова рассмеялся. — Лично я голоден как волк! Хотя и поужинал! — Он вспомнил собственную шутку.

Милочке сразу стало так легко и просто, будто знала она этого Серегу сто лет, с самого детства. Она расплылась в счастливой улыбке и кивнула:

— Лично я — тоже! Ну в смысле — как волк!

— Ты — как волчица! — расхохотался он, качая кудрявой головой. — А ты волчица, Мила? — вдруг уточнил новый знакомый, глядя на нее с прищуром.

Милочка снова растерялась, не понимая, шутит он или всерьез, и лихорадочно размышляя, что ему ответить, чтобы не попасть впросак, не выглядеть смешной и не разочаровать своего нового и, кажется, приятного знакомого.

— Ты волчица, Мила, — ответил он за нее, — только пока, — он хитро прищурил левый глаз, — не знаешь об этом!

Она покраснела, не понимая, обрадоваться ей или все же обидеться.

— Я тут займусь, а ты отдыхай! — Он кивнул на дверь комнаты. — Располагайся!

Мила вошла и замерла как вкопанная. Дворец. Это дворец! Точно как когда-то в музее — те же бордовые, с золотом стены. Та же люстра — яркий, переливающийся хрусталь. Мебель — конечно, старинная — темная, тяжелая даже на вид. Вазы, картины. Старинные фотографии — подойти поближе она побоялась, вдруг зайдет Серега. Снова будет неловко.

Милочка присела на диван и от волнения и усталости заснула. Проснулась она лишь под утро и не сразу поняла, где она. Потом испуганно подскочила, поправила одежду и волосы и осторожно вышла в коридор. Там было тихо. Она на цыпочках подкралась к входной двери, но тут услышала голос хозяина:

— Куда собралась? Рано еще, даже метро закрыто!

Милочка обернулась. Сердце билось так сильно, что она боялась, как бы Серега не услышал его бешеный стук. А он стоял в коридоре — в трусах, с голым торсом и широко и громко зевал.

— Ну что? С добрым утром?

— С добрым утром, — ответила она тоненьким, чужим голосом.

Он снова зевнул.

— Ну что же ты, Мила! Нехорошо! Я вчера как дурак картошки пожарил. А ты? Раз — и уснула! Нехорошо.

Милочка покраснела и снова испугалась. Но, увидев в его глазах хитрые смешинки, тут же успокоилась и взяла себя в руки.

— А я ночью не ем! Слежу за фигурой! — выпалила она, чувствуя, как тут же вспотели ладони.

Он медленно и равнодушно с головы до ног ее оглядел:

— Фигуру? Ну это зря! У тебя и так все в порядке!

И у нее перехватило дыхание — от радости и даже от счастья.

Так начался их роман. С того самого раннего тихого утра в квартире на Патриарших прудах.

Потом выяснилось: беспечный Серега — внук известного артиста кино. Отсюда и квартира, и дача на Николиной Горе, и маленький домик под Сочи — все, что милостиво откинула советская власть своему любимцу. Дед был стар, вдов и доживал свой длинный век на огромной роскошной даче. Ухаживала за ним домработница, которая, как посмеивался внучок, ублажала его дряхлые члены.

Родители мотались по заграничным командировкам, и выходило, что сынок и внучок никого особенно не волновал — денег давали, тряпки присылали, квартира и машина у мальчика имелись.

Учись, сынок, и все будут счастливы. Но знаменитый МГИМО, а вместе с ним и перспективу дипломатической карьеры паршивец быстро оставил — вылетел со второго курса. Родители, живущие за границей, об этом еще не знали, а знаменитому деду было вообще все равно. Он давно уже жил между небом и землей, радуясь вкусной еде и ласкам кроткой услужливой Томочки, своей немолодой и верной домработницы.

Сергеа скучал. Денег полно — родители не обижают. Модными тряпками забиты шкафы. Но — скучно! Скучно, господа! Кабаки, гулянки, девицы. Да нет, все прекрасно, но однообразно и слегка утомительно. Ему была нужна деятельность. Даже не так — дело. И желательно острое, с перчиком, адреналином, на грани фола. Погони, перестрелки, темные подвалы. Суровая, опасная, но интересная гангстерская судьба. Чушь, конечно. Какие перестрелки, какие погони? И все-таки хотелось риска и драйва.

И Серега подался в фарцу. Сначала толкал свое — джинсы, батники, пластинки, сигареты, кассеты, духи, косметику, жвачку и прочую чушь. Потом серьезнее — технику, магнитофоны. Родители удивлялись, но присылали — чем бы дитя ни тешилось. Влился он быстро, и скоро в его лексиконе появились новые слова — «гренки» (валюта, «гринны»)

«самошток» и «фирма́», «капуста», «лаве» (деньги, «бабки»), «ю́ги» — югославы, «бундеса́» — немцы из ФРГ, «дедероны» — немцы из ГДР, «бритиша́» — туристы из Англии. И «штатники» — американцы.

Фарцевал он у «Интуриста», потом перебрался к «Березке» — там было потише и поспокойнее. Но все равно нервно оглядывались, ждали ментов. Иногда подъезжала «канарейка», и фарцовщики бросались врасыпную — им были известны все близлежащие дворы, переходы и подъезды. Пережидали. Ну а потом все по новой. Денег, конечно, «поднимали». Но Серега рисковал не за деньги — Серега рисковал за идею. Довольно быстро прятки эти ему надоели, и с фарцы он «спрыгнул», ушел. Снова стало тоскливо. Но возвращаться к жвачке и джинсам он не хотел. Мелко плавать — какой интерес?

Спустя полгода, когда он совсем отчаялся и загрустил, давний приятель, еще с «Интуриста», красавчик Анзор, посвятил его в свой новый бизнес — он со товарищи «ломал» валюту у форинов (иностранцев) и валютные чеки у скромных советских труженников, вернувшихся из заграникомандировок у той же «Березки». Серега оживился и принялся уговаривать Анзорчика взять его в дело. Но для начала предстояло освоить эту нелегкую, щекотливую и тонкую профессию.

Он оказался способным учеником и уже через пару месяцев пас форингов в гостинице «Украина».

Боялся? Конечно! Статья-то валютная! Да плюс мошенничество — хватит с лихвой. И никакой дедушка ему не поможет.

Но здесь он нашел тот кайф и тот драйв, которых ему так не хватало. Дело было, конечно, рискованное, однако сладкое очень. И Серега ожил.

Конечно, похожая на капризную кошку продавщица Ларочка, торговавшая в киоске меховыми шапками из норки и лис, глянцевыми матрешками с одинаковыми глупыми лицами, икрой и прочей чепухой, была в доле. В доле были и гостиничные менты — Вовик и Славик. И все-таки это был риск!

За первый год новой деятельности у Сереги появилось столько денег, вот только потратить их было абсолютно некуда. В Советском Союзе с этим были проблемы. Тряпки? Да бросьте. Этого добра у него было навалом. Все атрибуты красивой жизни имелись. Что дальше? Поехать отдохнуть? Широко, с размахом, с шампанским, черной икрой и девочками? Ну да. Хотя «за пределы», как говорила его матушка, вход был закрыт. Оставались Сочи, Пицунда и Ялта — вот и вся география. Ну там, конечно, гуляли, отрываясь по полной. И все равно мелковато. Его подельники

и напарники, тот же красавчик Анзор, ощущали себя королями мира. А Серега снова скучал. Днем — «работа». Это хоть как-то бодрило. Вечером — кабаки и девочки. Ночью — девочка, лучше «свежая». Девочки были лучшие. Но день был похож на день, а месяц на месяц. Словом, тоска.

Серегины подружки менялись как перчатки — похожие друг на друга как родные сестры, они манерно вытягивали губы, потягивая коктейль, с шумом выпускали сигаретный дым и жадно оглядывали наряды соперниц. Они были ушлые, жадноватые, замуж хотели за иностранцев, а романы крутили с фарцой. Встреча с Милочкой поразила его — он быстро оценил ее наряд и увидел растерянность и смущение в ее глазах. Она явно была не из тех, с кем Серега «крутился». «Хороша!» — подумал он, углядев в той шумной компании Милочку. И, кажется, не ошибся. А уж их первая ночь его удивила — Милочка оказалась к тому же девственницей. Во дела! Неужели такие остались? И все ей было в новинку — и мятный ликер, и сигареты «Кент», и гусиный паштет из крошечной, словно игрушечной, баночки. И английский шампунь, пахнувший морем, и душистое французское мыло.

Серега наблюдал за ней и продолжал удивляться: Милочка была до смешного наивна

и не искушена. Анахронизм. Ископаемое. Атавизм, пережиток. А уж ее красота, чистая и наивная, робкая и не наглая. «Чукча какая-то, — думал он. — И откуда?» И Серега влюбился. Циник Серега, скептик Серега. Искушенный, избалованный, грубый, жестокий Серега. Смелый, безбашенный Серега по кличке Шалый. Кличка ему подходила. Милочкина наивность и скромность, ее вечное стеснение и смущение подкупали и в который раз его удивляли. К тому же она ничего не просила. Все просили, а она нет. Чудеса. Он такого не видел. Только вспыхивала, сжималась вся, когда он бросал на диван подарки — яркие пакеты со шмотками, французские духи, итальянскую обувь. А уж когда под зиму широким купеческим жестом бросил на пол в прихожей пушистую шубку, Милочка расплакалась, закрыв лицо руками... Так, что он ее утешал.

А для Милочки... Милочка ахнула и бросилась, словно в волну, в бушующее море, в эту новую и прекрасную жизнь. Жизнь, о которой она столько мечтала. Но не это было главное — не тряпки, не духи и не рестораны. Главным был Шалый, ее Серега. Потому что она его очень любила. Так любила, что было страшно.

И часто щемило сердце.

С работы она ушла — настоял Сергей. «За чем тебе, милая? Ты нужна мне всегда, постоянно. Зависеть от твоего графика? Нет, из-

вини!» А разве Милочка сопротивлялась? Да ни минуты! Через месяц после знакомства она, не задумываясь, перебралась на Патриаршие. Мама, конечно, плакала:

— Кто он, что он? Милочка! Да как же?

— Что? — резко перебивала Милочка. — Что тебя не устраивает?

— А вы распишетесь? — робко спрашивала мама. — Ну чтобы по закону.

— По какому закону, мама? — злилась Милочка. — Лично нам на ваши законы глубоко наплевать!

— Не по-людски все это, — приговаривала мать, горестно качая головой. — Не по-людски!

— А ты живешь по-людски? — вскидывалась дочь. — А бабка Нюра жила по-людски? А тетя Галя? А Марь Иванна? Эта ваша убогая жизнь — по-людски?

Милочка перебирала свои вещи и со злостью откидывала их в сторону — зачем брать эту дрянь туда, в новую жизнь? Зачем ей это дерьмо? Эта дешевка?

Ничего не взяла. Мать не обняла и не поцеловала — пусть тоже призадумается, может, дойдет? Хотя что там у этой курицы в голове? Ясно же — одна солома.

Спали до обеда. Нехотя поднимались — Серега бывал по утрам мрачен и неразговорчив, молча пил кофе и листал журнал,

шел в душ, а уж после этого приходил в себя — настроение менялось у него моментально. Только что сидел мрачный и молчаливый Серега, которого ни за что нельзя было трогать — Милочка уже это поняла, — а из душа возвращался совершенно другой Серега, улыбающийся, хохмящий, родной. Быстро собирался и уезжал «по делам». По каким, она не спрашивала. Заявлялся к вечеру.

— Ну, ты готова?

Милочка была готова. Всегда. И начинались карусель и круговерть — ресторан, валютный бар, гости, шампанское, кофе, коньяк. Снова кофе. Возвращались под утро — еле держались на ногах.

Конечно, Серега одел ее как королеву, во все новое. Приносил шуршащие пакеты с заморскими вещами: платья, блузки, юбки, брюки, белье. Французские духи — пять флаконов на полочке в ряд. Часы, браслет, сережки, колечки. К следующей зиме появилась вторая шубка — теперь из ондатры. Милочка заблестела. Засверкала как елочный шар, прекрасная, стройная, юная Милочка. Теперь она замечательно разбиралась в винах и коньяках, в черной икре — зернистая, паюсная, севрюжья, осетровая, белужья. Она оказалась хорошей и толковой ученицей — Сергей ею гордился. И кстати, был

в нее сильно влюблен, пожалуй что, в первый раз так ему снесло голову.

А Милочка? Сначала он сомневался — странная она, его женщина. Для других, для чужих и посторонних — прохладная, спокойная, высокомерная, равнодушная. Снежная королева. Со всеми, но только не с ним! Его-то она любит. С ним она другая. Да что сомневаться? Ему-то, с его жизненным опытом, с его чуйкой и интуицией. Вспомнить их ночи, ее слова, ее руки. Ее глаза поутру. И все станет ясно. Да и потом, Серегу обмануть было трудно — волчья хватка, орлиный глаз, собачье чутье. В этом ему не откажешь. И на всю жизнь запомнил.

— Я буду любить тебя вечно, — среди ночи прошептала Милочка. Понятно, что среди ночи! А когда говорятся такие слова? Он все понимал. И знал цену словам, особенно бабьим. Но здесь поверил.

Он по-прежнему заваливал ее подарками, возил на море, брал билеты на пароход в самую большую и дорогую каюту. Останавливались они в лучших гостиницах, в самых дорогих номерах. Для них играли музыканты в самых дорогих ресторанах — Серегу знали все и везде. Его уважали. За что? За ловкость, смелость, за хитрость. И еще — за щедрость. В том мире это ценилось. И Милочку знали — как его женщину.

К матери она заезжала раз в месяц — привозила продукты и деньги. Мать охала, всплескивала руками, перебирая красивые баночки с деликатесами, и снова пугалась:

— Господи, Милочка! Такое богатство! И откуда все это?

— Оттуда, мам! — закатывала глаза дочь. — Ты что думаешь? Все стоят часами за мерзлой картошкой?

Деньги мать брать отказывалась, и Милочка подкладывала их в сервант.

Их с Серегой сладкая, счастливая и веселая жизнь продлилась три года. И закончилась в одночасье — Серегу «приняли», взяли. Арестовали. Растерянная Милочка бродила по огромной темной квартире и не понимала, что же ей делать. Вскоре пришел участковый и невежливо попросил ее убираться.

— Прописаны, гражданочка? А ну-ка, позвольте паспорт!

Испуганная Милочка кое-как собралась, побросала в чемодан, что попало. Пришлось вернуться к маме. Та, увидев ее с вещами, всплеснула руками и, конечно, заплакала.

— Выгнал? Вот ирод! Я же тебе говорила!

Милочка, не говоря ни слова, отодвинула ее, прошла в комнату, легла на кровать и закрыла глаза. Что теперь делать, как жить? Этого она не понимала, и ей было страшно.

Как жить без Сережи? Две недели пролежала на диване, уткнувшись лицом в стену. Мать умоляла поесть — Милочка вяло отмахивалась и выпивала пару глотков сладкого чая. В голове было пусто — ни одной мысли. Спать, спать. Забыть все, что было, а лучше всего умереть. «Это был сон, — повторяла она про себя. — Прекрасный и сказочный сон. Потому что взаправду так не бывает!» А может, это и вправду ей приснилось? Квартира на Патриарших с шелковыми обоями, ванная с мраморными полами, шампанское и белужья икра. Тихая музыка в ресторане — для нее, для Милочки, загадочно, хриловатым голосом поет по-французски щуплый певец со странной кличкой Цыпа. Это ей, Миле Ивановой, цветочница подносит огромную корзину белых роз и приседает в неловком реверансе. И Милочка снова ощущает себя принцессой. Это ее, Милочку, ждет сюрприз в ее день рождения — вот он лежит на краю подушки, узкий бархатный синий футляр, который страшно открыть. Но она открывает. И тут же солнце «приседает» в открытую коробку и начинает так радостно и игриво бликовать, что Милочка невольно зажмуривает глаза. В футляре браслет. В браслете — бриллианты. Сколько их там, господи... Поди сосчитай.

Поездка в Суздаль — милый городок, где пахнет покоем, стариной, медовухой, ши-

бающей в нос, свежим снегом и мочеными яблоками. Они с Серегой выуживают их прямо из бочки, и сладкий, ядреный сок течет по рукам — ох, как вкусно. И очень весело. С Серегой всегда было весело... И упряжка, русская тройка, несет их вдоль темного леса. И звенит колокольчик — тонко и жалобно. И дрожит прозрачный воздух, и у нее снова захватывает дыхание — от щипучего мороза, от невозможного счастья. Теперь она не принцесса — молодая купчиха со своим миленьким.

Пляж в Гаграх — ей нравится теплая, мелкая, серая галька, а Серега злится — он любит песок. Про песок она ничего не знает — на юге в первый раз. Она осторожно заходит в море, и вода почему-то ее обжигает — она уже обгорела на солнце. Милочка громко охает и вскрикивает, а Серега над ней смеется. Он часто над ней смеется. Но ей совсем не обидно. После пляжа она гуляет по городу — у Сереге свои дела, важные деловые встречи. А она глазееет на пальмы — господи, пальмы! Настоящие пальмы! Трогает жесткие и колючие листья агавы, наступают на упавший инжир — вся мостовая усыпана крупными желтыми ягодами. Ой, как жалко. Столько добра. Бредет вдоль колоннады, не замечая восторженных мужских взглядов и не слыша прицокивания языков — она дав-

но к ним привыкла, что замечать? Садится на скамейку в парке и любуется розами — их тут много, всех цветов и сортов — красные, бордовые, бледно-розовые, белые, желтые. Запах вокруг такой приторный и густой, что у нее начинает болеть голова.

Сергея ждет ее в номере. Она быстро меняет туалет.

— Надень то красное платье! — просит, скорее, даже требует он.

Она надевает платье — узкое, в талию, из струящегося трикотажа, с легкой блестинкой. Итальянское. Туфли на каблуке, яркая помада — в тон платью.

Он лежит на кровати и неотрывно на нее смотрит.

У него странный и немного пугающий взгляд — застывший, стеклянный.

— Сережа, ты что? — испуганно спрашивает она.

Он молча кивает и подзывает ее рукой.

Она подходит, и он резким движением опрокидывает ее на кровать. Через какое-то время она пытается восстановить прическу и снова приводит себя в порядок. И дальше ресторан «Гагрипш», сказочный деревянный дворец. Стол уставлен яствами — и как все это съесть? Невозможно. И льется красное вино — терпкое, сладковатое, с одуряющим ароматом спелого винограда.

И ей лично, Милочке Ивановой, нищей девчонке, выросшей в грязном бараке, важный, напыщенный метрдотель, похожий на короля, объясняет, что это место любили и Чехов, и Шаляпин, и Максим Горький, и Иван Бунин. И даже сам царь. Рассказывает и то, как сделан «дворец» — без единого гвоздя, из скандинавской сосны и привезен в разобранном виде. Он ведет ее на балкон, и оттуда открывается сказочный вид на весь город. Милочка замирает от восторга — неужели это все происходит с ней наяву? Ночью она просыпается — очень хочется пить — и видит, что Сереги нет рядом. Значит, опять дела. Какие? Он ничего не рассказывает. Ей, конечно, интересно но она его не тербит вопросами — знает ответ: не женское дело, меньше знаешь — крепче спишь. Все, конечно, так, но немного обидно. Он приходит под утро — только начинает светать. Злой и пьяный, здорово пьяный. Рвет рубашку, и мелкие пуговицы сыплются на ковер. В испуге Милочка отползает к стене, а Серега, не говоря ни слова, падает рядом, и тут же раздаётся его пьяный, лающий храп.

Делать нечего — сна как не бывало. Она осторожно встает — хотя его и пушкой не разбудить — и собирается на пляж. На улице еще почти темно и серо.

На пляже очень холодно, и она, укутавшись в полотенце и свернувшись в комок, засыпает. Возвращается только к обеду. Серега проснулся, сидит на балконе и пьет пиво. Лохматый и злой. Потом проговаривается — играл в карты. Просадил кучу «капусты» — это его слова. «Развели как лоха, — добавляет он. — Зверски болит голова и хочется жрать». Милочка дает ему таблетку и приносит из ресторана еду. Он ест жадно, руками. Мясной сок течет по подбородку, руки в томатном соусе. Неопрятно и совсем не похоже на ее Серегу.

Но, поев, он приходит в себя и начинает шутить.

— Прорвемся, Милка! — смеется он. — Что нам, бабок не хватит? На всю нашу жизнь? А не хватит — слупим еще! Да, малыш?

Милочка кивает и про себя радуется: «На всю нашу жизнь!»! Значит, он собирается прожить с ней всю жизнь? «Я буду любить тебя вечно! — с восторгом повторяет она про себя. — Ты мне веришь, Серега?» И все налаживается, и опять все прекрасно.

Однажды они пошли в кино — для нее это праздник, обычно она ходила в кино одна. Серега, конечно, зевал и говорил, что фильм — полная глупость, в жизни так не бывает. Милочка тихо спорила и жарко убеждала его, что бывает — бывает любовь до гроба,

и ожидание любимого из тюрьмы, и десятки лет одиночества.

— Так бывает! — повторила она и слегка обиделась. — Значит, и мне ты не веришь?

Долгим, пристальным, внимательным взглядом он посмотрел на нее, словно видел впервые, и улыбнулся:

— Эх, Милка, не знаешь ты жизни!

— Лично я, — тихо ответила она, немного смутившись, — лично я тебя бы ждала. Ждала бы, сколько надо — десять лет, двадцать... Ты мне не веришь?

Сергея засмеялся:

— Не-а, не верю! Вот ни минуты не верю!

И она начала плакать — так это прозвучало обидно. И почему он ей не верит? Ну почему, почему? Вспоминая все это, Милочка тихо, беззвучно и горько заплакала. Свернувшись в комок, заскулила, как щенок.

Через пару недель она встала. Кое-как умылась, расчесала волосы и поела — жадно прихлебывая и причмокивая. Съев кастрюльку «нищего» супа — картошка, морковка, пшено, — добавила тарелку серых, разваренных макарон и выпила две чашки сладкого чая с печеньем.

Мать смотрела на нее не дыша, словно боялась спугнуть это счастье. Потом Милочка, не сказав матери ни одного слова, быстро оделась и вышла на улицу. Бабки у подъезда

проводили ее молчаливыми и жалостливыми взглядами. И только потом, когда она скрылась за поворотом, громко и жарко, торопливо перебивая друг друга, принялись ее обсуждать. Беременная, что ли, Веркина девка? Али бросил жаних? По-любому — горе, что тут говорить. И дружно вздохнув, замолчали, пожеывая губами, — у всех было что вспомнить. Жизнь всех покусала.

Милочка поехала к Анзорчику. Он был дома, но, открыв дверь, долго раздумывал, приглашать ли нежданную гостью в дом. Вздохнув, наконец пропустил в коридор. Глаза прятал.

— Да ничего я не знаю, Мил! Ну честное слово! — Ну а потом признался: — Да, сидит. Да, дело плохо. Дед свалился с инфарктом. Прилетела из Лондона мать. Ходит, стучится, бьется во все двери, куда только можно. А помогать не хочет никто — кому это надо? Статья-то светит валютная, страшная. Кому охота мараться? Свидание? Да ты что, одурела? Кто тебе даст? Ты же ему никто! Передачи? Да за это ты не волнуйся — мать все приносит. Письмо? А как я его передам? Через мать? Нет, подруга, это — сама. Со мной разговаривать она не станет. Все причитает, что это мы, друзья, сбили ее честного мальчика с верной дороги. Смешно, правда? — И Анзорчик весело рассмеялся.

Милочка вздрогнула и нажала кнопку лифта. Поехала на Патрики. Долго звонила в дверь — не открывали.

Наконец дверь приоткрылась.

— Вам кого, что вам надо?

Милочка что-то залепетала, а растрепанная женщина в темном халате ее перебила:

— Все это меня не волнует! Подруга Сергея? Да ради бога! У него этих подруг... Какое письмо? Вы что, обалдели? Нам сейчас не до вашего письма. Вы что, не в себе? Не понимаете? И вообще не до вас. Идите домой и не лезьте в нашу семью!

Дверь захлопнулась, Милочка медленно пошла прочь. Она еще долго металась по знакомым — в поисках любой информации, любого известия. Все тщетно.

Позже узнала — был суд, осудили. Дали пятерку — как повезло! По восемьдесят восьмой — и пятерку! Удача. Конечно, мать, конечно, дедовы связи. Правда, дед помирает — это его подкосило. Да и мать еле жива. И у папаши карьера накрылась.

Ей было наплевать и на деда с повторным инфарктом, и на «еле живую» мать, и на карьеру отца. Пять лет! Всего-то пять лет! Какая ерунда, какая чепуха! Они пролетят — и не заметишь. И Милочка воспрянула духом. «Какие пустяки — пять лет! — без конца повторяла она. — Конечно, я его дождусь, это

даже не обсуждается. И мать его меня поймет, и мы с ней подружимся! Я поеду туда, на зону, к нему. А кто мне запретит? А там мы поженимся — я слышала, так бывает». Жизнь снова обретала смысл. Милочка ожила.

Пришла к его матери еще раз. Та, кажется, постарела еще лет на тридцать. Смотрела на нее невидящим взглядом — не узнавала. А потом вздрогнула:

— А, это вы... Подождите. — И вынесла листок бумаги: — Это, кажется, вам.

Милочка схватила его и бросилась вниз по ступенькам. На крыльце развернула.

Там были всего пара слов: «Не дергайся и ничего не предпринимай — сделаешь хуже. И вообще, живи, как будто ничего не было. Устраивай жизнь. Значит, такая судьба. Больше ты мне не нужна. Все забудь».

Все. Брела куда-то, куда ноги несли, и редела. Споткнулась, упала, разодрала в кровь коленки. Поднял какой-то мужчина:

— Девушка, помощь нужна?

Мотнула головой и дальше пошла, еле передвигая ноги. В голове гулко стучало: «Сделаешь хуже. Устраивай жизнь. Ничего не было. Больше ты мне не нужна. Все забудь».

Как это — не было? Милочка остановилась. Не было? Да вы что? Это же жизнь была! Самая настоящая жизнь! Это до Сереги у нее ничего не было! Вычеркнуть, перечер-

кнуть? Забыть все, что было? Она оторопела, наконец осознав. Он от нее отказался. Вот так просто: забудь — и все! Он-то, наверное, уже забыл.

И тут подступила обида: ты со мной так? Ну хорошо. Значит, и я так же.

Правильно, надо слушаться маму: нельзя себя в такие годы в землю зарыть. Закопать, со всей своей красотой, юностью, нежностью, горячими руками и губами, гладким телом, крепкой грудью.

Мама плачет ежевечерне:

— Доченька, хватит себя убивать! В жизни такое бывает — ты мне поверь!

Глупая мама думает, что Милочку бросил парень. Если бы так. Ее не бросили — ее предали. А предательства она никогда не простит.

Глянула на себя в зеркало — страшная, господи! Чернота под глазами, нос острый, как у покойницы. Волосы тусклые, тощая — просто баба-яга.

Нет, так не пойдет. Я бы тебя ждала, Серега. Я бы все сделала. Передачи бы тебе возила, ждала тебя. Сколько надо ждала бы.

Да там бы, на краю зоны твоей, поселилась! В крестьянской избе. Черт с ней, с Москвой! Лишь бы видеть тебя, знать, что ты где-то здесь, совсем рядом. Но ты не захотел. Ну значит, так. У всех своя судьба, ты прав. У тебя — такая, выходит. А у меня будет дру-

гая. Назло тебе, милый. Назло, любимый, тебе! «Я буду любить тебя вечно!» Какая же я дура! Наивная глупая дура!

Теперь она знала, куда пойти — друзей было много. Это им с Серегой никто был не нужен — спешили остаться одни. Правда, были ли это друзья — вопрос.

И закружилась жизнь — опять закружилась. Квартиры, бары, кабаки. Гремящая музыка, танцпол, коньяк, сигареты, незнакомые лица. Шум, грохот, громкий натужный смех. Чужие жесткие руки, плечи, глаза. Чужой запах. Все чужое. Ненужное. И ненавистное. До тошноты.

Короткие поездки — спонтанные, внезапные, глупые.

Вдруг кто-то объявлял: «А не махнуть ли нам, братцы?» Все оживлялись: «Махнуть? Да раз плюнуть!» И поднимался спор — куда. Предлагали ленинград — он ближе всех. Потом — Ригу, Вильнюс, Ташкент или Сочи. Два — от силы три дня. Так, проветрить мозги.

Желающие тут же шумно и быстро собирались, подбадривая друг друга и посмеиваясь над собой, и спешили на вокзал или в аэропорт. Билеты были всегда — знакомые кассирши все устраивали по звонку или за «красненькую».

Иногда получалось не очень. В апреле рванули в Ригу, в Москве уже было тепло,

а там — ноль и снег. А все одеты кое-как — джинсы, юбочки, майки. Дрожали на ветру, словно цуцки. Сразу отправились в универмаг — бегали по отделам, хватали все подряд и ржали как сумасшедшие, напяливая на себя теплые фуфайки и куртки. Блондинистые продавщицы с холодными каменными лицами смотрели на весь этот зоосад и не думали улыбаться. Рассмеялась одна — самая юная, совсем девочка. А следом прыснули остальные — ну вы страшный десант, москвичи! На такую наглость способны только вы, это точно. Оккупанты.

Мотались потом по городу клоунами — в нелепых, не по размеру одежках. Разместились, конечно, в «Интуристе» — деньги-то позволяли отсыпать швейцару червончик и тетке-администратору с пышной бабеттой на голове «фиолетовую» — двадцатьпятку.

Гостиничная благообразная публика, включая иностранных гостей, смотрела на этих чудиков во все глаза — и чего не бывает?

Но к вечернему ужину этикет был соблюден — девицы надели то, что успели уцепить в валютном «Альбатросе», и зашли королевами. Присутствующие ошарашенно оглядывали красоток на длинных ногах и растерянно переглядывались — такой концентрации красивых девушек здесь еще не видел никто. В Ленинграде останавливались в «Асто-